

При раскопках кургана, возведенного в первых веках нашей эры, на девятом участке совершенно неожиданно была вскрыта древнейшая дренажная система. Остатки этих дренажей свидетельствуют о весьма тщательной работе при их сооружении. Облицовка дренажных стен выполнена из небольших камней чистой стороной внутрь и концами камней в сторону плантажа. Забутовка сделана из мелкого камня, покрытого обильными осадками углекислых солей. Земли в забутовке сравнительно очень мало. Кроме того, вдоль дренажных стен устроены небольшие ступени, шириной до 0,50 м и высотой 0,10—0,15 м, которые образуют по подошве плантажа мелкий желоб, шириной в один метр. По желобу, вдоль ступенек и частично захватывая их края, выкопаны лунки диаметром в 0,30—0,40 м на расстоянии 1,30—1,35 м друг от друга. Благодаря мягкости глинистого материка очертания лунок и расстояния между ними имеют здесь более правильный характер, чем у выдолбленных в скале на 35-м участке.

К последней группе относятся участки подсобного назначения (5, 24, 38, 39). 5 и 24-й участки имеют небольшие размеры; они отличаются широкими проездами в ограничивающих их стенах и остатками каких-то сооружений в каждом из них. Участок 38-й, несомненно, был местом проезда в усадьбу, как это столь же четко наблюдается в соседнем клере. Участок 39-й был занят усадьбой, вероятно, с внешним двором в западной половине. Площадь самой усадьбы по внешнему краю ее ограждения равна приблизительно 800 м². Это единственный участок клера, сравнительно сильно разрушенный в новое время. Тем не менее зачистка обреза одного из окопов показала достаточную сохранность остатков для выяснения точного плана и назначения отдельных помещений усадьбы. При зачистке в нетронутом культурном слое не было обнаружено никаких остатков римского времени. Это позволяет думать, что усадьба существовала до начала нашей эры. В свою очередь существование этого клера в первые века нашей эры свидетельствовало бы в таком случае о концентрации земельной собственности в позднее античное время, что подтверждается исследованиями соседних клеров. С другой стороны, это же обстоятельство было бы очень важным для выяснения плана и характера всей усадьбы и отдельных помещений, ибо остатки усадьбы не были бы искажены позднейшими перестройками, усложняющими и затемняющими понимание и интерпретацию памятника.

В результате наших исследований можно установить следующее.

1. Основание клера, судя по добытым материалам, может быть датировано рубежом IV—III вв. до н. э. и почти несомненно должно быть связано с эпиграфическим свидетельством о размежевании виноградников Агасиклом (IOSPE, 1², 418).

2. Наш клер существовал, вероятнее всего, до войны Херсонеса со скифами, т. е. до I в. до н. э. После этого в связи с обостренным имущественным расслоением, он, повидимому, перешел в собственность крупного землевладельца, возможно, собственника соседнего участка, для которого не было необходимости восстанавливать усадьбу. С этого времени описанный сельскохозяйственный участок теряет значение клера.

3. Наличие обломков амфор первых веков нашей эры при раскопках кургана, зачистке ограды и в подъемном материале, а также несомненная перепланировка всего участка (замена виноградника полем на девятом участке, заклад древних ворот, замена виноградника садом на 35-м участке) свидетельствуют о продолжительном существовании этого хозяйства вплоть до конца античной эпохи.

4. Дальнейшее изучение этого памятника поможет с необходимой точностью вскрыть структуру античного полиса как на ранних, так и на поздних ступенях его развития и выявить его экономическую базу. Это изучение в известной мере облегчит написание истории земледелия СССР в античную эпоху. Открытие этого памятника уже сейчас помогает правильному пониманию самого характера греческой колонизации.

Сохранность нашего памятника настолько хороша, что, несомненно, обеспечит решение многих вопросов по истории сельского хозяйства античной эпохи, что, в свою очередь, предоставит историкам необходимый материал для правильного понимания общественной и политической жизни античных городов Северного Причерноморья.

С. Ф. Стржелецкий

НЕИЗДАННЫЕ НАДГРОБНЫЕ СТЕЛЫ ТАМАНСКОГО МУЗЕЯ

В настоящей работе публикуется семь неизданных надгробных стел Таманского музея, разрушенного во время Великой Отечественной войны.

№ 1 — надгробная плита из известнякового камня, стоявшая в саду Таманского музея, при входе в ограду. № 3012 описи Таманского музея (рис. № 1). Размеры: выс. левой стороны 96 см, правой стороны 85 см; шир. верх 57 см, низ 58 см.; толщ. — от 14 до 17 см. Плита украшена тремя рельефными изображениями, разделенными между собой узкой полоской рельефа. Верхняя часть плиты с рельефным изображением

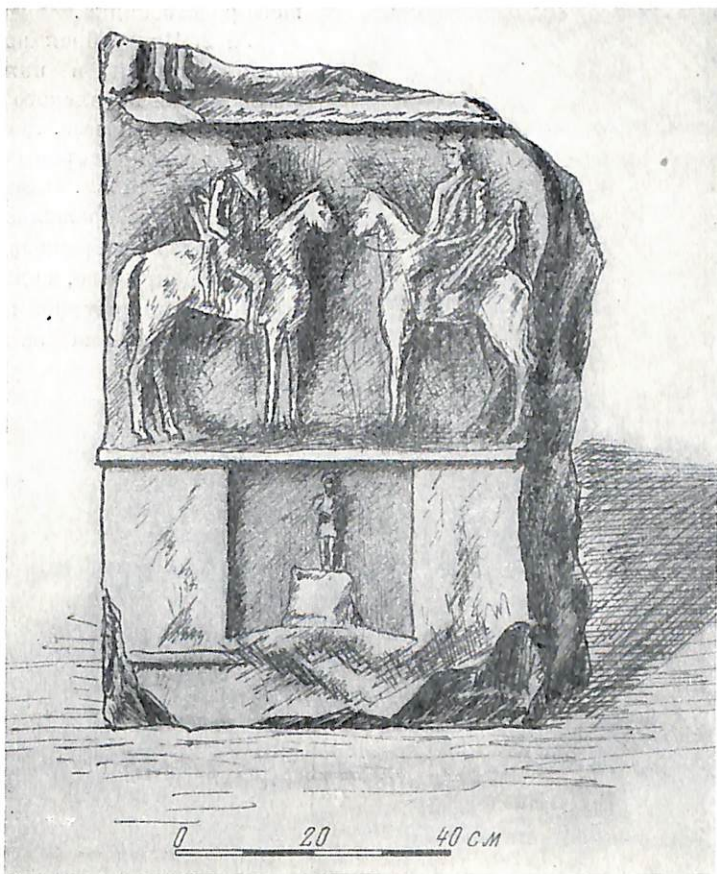

Рис. 1. Плита, найденная на усадьбе Сопрунова

отбита; с левой стороны уцелели лишь две ноги лошади; ближе к правой части небольшое возвышение, трудно определимое. На втором рельефе мы видим двух всадников, на спокойно стоящих конях, обращенных друг к другу лицом, в плохо различаемых гиматиях. Голова левого всадника отбита, отбита также часть правой руки. За спиной всадника — колчан для стрел. Правый всадник держит левой рукой лошадь за узду, часть головы лошади и обе ноги всадника утрачены. На левом боку всадника висит обычный горит с луком¹.

¹ Горит на правом боку всадника встречается реже; см. два надгробия, найденные в Керчи (ИАК, 1914, вып. 54, статья Шкорнила), и К.— W., №№ 574, 591, 626, 627.

Нижнее изображение представляет собой очерченный рельефом квадрат, внутри которого стоит на пьедестале небольшая фигура, повидимому, детская, в короткой тунике или без одежды. Основание пьедестала покоится на небольшом земляном возвышении. Нижние углы плиты исчерчены позднейшими штрихами. Надписи нет. Плита найдена в усадьбе Сопрунова в 1925 г.

Стелы, вполне аналогичной нашей, среди изданных памятников юга СССР мне не удалось найти. Можно найти много аналогий нижнему и верхнему изображениям в отдельности. Ср. К.—W., №№ 624, 426, 502, 683; IOSPE, IV, 300. На основании

стилистических данных плиту можно отнести к I в. н. э. Маленький человек на постаменте означает, по толкованию Ватцингера, прежде умершего родственника.

№ 2. Надгробная известняковая плита, отбитая в нижней части, № 300 описи Таманского музея (рис. № 2). Размеры: выс. левой стороны 96 см, правой стороны 82 см; шир. 58 см; толщ. 14 см. Плита украшена рельефным изображением трех фигур. Налево изображена женщина в хитоне и покрывале, сидящая в кресле в обычной траурной позе, с ногами, поставленными на скамеечку.

Рис. 2. Плита, найденная в «юрту» станицы Таманской

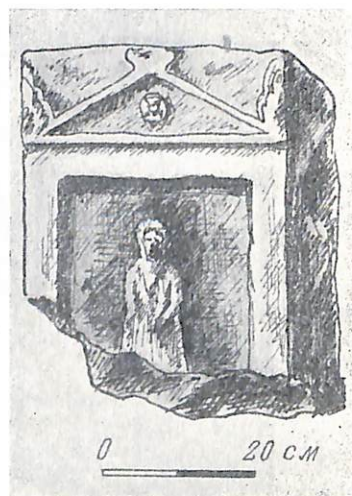

Рис. 3. Плита из ограды Покровской церкви

Направо находится мужская фигура, возлежащая на ложе с точеной ножкой и средней высоты изголовьем. Рядом с ложем стоит столик на одной ножке. Между столиком и сидящей женщиной стоит мальчик на скамеечке с сосудом в руках. Над анаглифом обычный фронто́н с акротериями и одной розеткой посередине (ср. К.—W., № 693, 703 и др.). Здесь можно отметить, что в подобной группировке ребенок чаще стоит с правой или левой стороны, а не посередине. Стела датируется серединой I в. н. э. Найдена А. Черноморченко в «юрту» станицы Таманской. Принесена в дар музею в 1923 г.

№ 3. Надгробная известняковая плита, почти наполовину отбитая. №№ 307—316 описи Таманского музея¹ (рис. 3). Размеры: выс. правой стороны 43 см, левой стороны 30 см; шпр. (верх) 33 см, низ 24 см; толщ. 9 см.

Верх плиты украшен рельефом с изображением женской фигуры в хитоне и покрывале; лицо стерто. Над изображением возвышается фронтон, имеющий посередине и по бокам акротерии и одну розетку внутри фронтона. Стелу можно датировать началом I в. н. э. (ср. К.— W., №№ 307, 322, 349 и др.). Поступила в музей в 1923 г. Взята из ограды Покровской церкви.

№ 4. Надгробная известняковая плита

Рис. 4. Плита, найденная в коммуне «Смелая»

Рис. 5. Надгробие из усадьбы Соколова

та, расколота наискось пополам. № 319 описи Таманского музея (рис. 4). Размеры: выс. первой половины 26 см (с правой стороны) и 58,5 см (с левой стороны); второй половины 61 см (с правой стороны) и 21 см (с левой стороны); шпр. первой половины 54 см (верх) и 25 см (низ); второй половины—35 см (низ) и 24 см (верх); толщ. 15 см.

Плита украшена рельефным изображением женщины в хитоне и покрывале. Волосы скрыты под головным убором (*σῆχος*). Женщина держит в левой руке гранатовое яб-

¹ Десять надгробий различного размера были занесены в книгу поступлений Таманского музея суммарно.

локо, указательный палец правой руки вытянут. Лицо стерто. Изображение сделано грубо, высоким рельефом. Фронтон с тремя акротериями и с розеткой посередине поддерживается двумя колонками (детали ср. у К.— В., №№ 187, 318, 710, 745 и др.). Плиту можно датировать I в. н. э. По распоряжению Таманского музея плита взята из коммуны «Смелая», где, повидимому, и была найдена.

№ 5. Надгробие из плотного известняка, представляющее собой бюст женщины (инвентарного № описи Таманского музея нет) (рис. 5). Нижняя часть надгробия представляет собой гладкую плиту, вероятно, предназначавшуюся для надписи.

Размеры: выс.: с середины головы до подбородка 19 см, от плеч до конца плиты 41 см; шир. (плеч) 25 см; толщ. 9 см.

Тщательно вырезаны разрезы глаз, губы, лоб, овал щек и подбородок; нос отбит. Волосы спрятаны под головным убором, без всякой моделировки. Двумя симметричными складками на голову надето покрывало, правильно спускающееся на плечи и теряющееся ниже плеч в глади плиты. Женщина одета в хитон из тонкой ткани, рельефно обрисовывающий грудь. Шея открыта. Во всей этой работе чувствуется умелый резец, не сделавший ни одной лишней линии и вместе с тем выразивший все, что хотел. Вместе с тем, ощущается, конечно, известная трафаретность, присущая данному времени.

Среди памятников юга СССР я не нашла полной аналогии. Имеется одна надгробная стела, найденная в Херсонесе (К.— В., № 766а; IOSPE, IV, 477), с надписью римского времени, с очень похожим на наш полу-бюст рельефным изображением женщины. Но здесь, насколько можно судить по фотографии, черты лица

Рис. 6. Плита с греческой надписью из усадьбы Соколовой

расплывчаты и некрасивы. Публикуемый рельеф, мне кажется, должен быть отнесен к более раннему времени, чем херсонесская плита. Ватцингер, описывая рельефное изображение женщины с херсонесской плиты, считает, что покрывало надето прямо на гладко причесанные волосы. По нашему мнению, оно надето на чепец (*σάκος*), так же как у вышеописанного таманского рельефа, так как волосы обычно изображаются штриховкой, чаще волнистой; здесь же никаких штрихов не заметно. Примером может служить типос из Ольвии, описанный Моисеевым (ИАК, вып. 40), где из-под такого же чепца выбиваются волнистые пряди волос и уже поверх чепца накинута покрывало. По стилю изображения Моисеев относит этот типос ко второй четверти V в. до н. э. Наш рельеф по трактовке лица, шеи, складок одежды имеет большое сходство с настенным рисунком женщины из Керченского склепа Сорока (АДЖ, табл. 4). Рельеф этот, без сомнения, местного производства; об этом говорит тип лица женщины и вся стела в целом. Плита найдена в 1927 г. в усадьбе Соколова и принесена в дар музею.

№ 6. Надгробная известняковая плита, со втулкой, разбитая пополам в верхней

части. № 292 описи Таманского музея (рис. 6). Размеры: выс. 74 см (с левой стороны) и 72 см — с правой стороны; шир. 46 см (низ) и 44 см (верх); толщина колеблется между 14—12 см. Размеры втулки: выс. 13 см; шир. 33—34 см; толщ. 10 см.

Плита украшена рельефным изображением трех фигур: женской в хитоне и покрывале, накинутом на голову, в траурной позе, мужской — в длинном хитоне, накинутом поверх одежды, и детской — мальчика. Изображение окаймлено двумя колонками, заканчивающимися капителями, на которых покоится фронтоном с тремя акротериями из пальметок, теперь почти совершенно стертых. В середине треугольника и над ним — обычные розетки. Внизу под изображением надпись, небрежно вырезанная и местами трудно читаемая из-за многих выбоин на камне.

Надпись гласит: Ἀπολλώνιος Νικομήδου χαίρει,

Аполлоний, сын Никомеда, прощай.

По шрифту и по стилистическим данным памятник можно отнести к I в. н. э. Имя Νικομήδης вторично встречается в окрестностях Керчи; притом в нашей надписи оно пишется через ι, а не через дифтонг ει, как на более древних надгробиях, в частности же, на надгробной стеле из Керчи, находящейся теперь в ГИМ'е (IOSPE, II, 268; ср. К.— W., №№ 304, 378, 400, 401). Для всех названных стел характерно обрамление рельефного изображения одностипными прямыми колонками, поддерживающими эпистиль с фронтоном, завершенным тремя акротериями с базами и капителями. Все они, повидному, были сделаны в одной мастерской из одного материала — местного известняка. Наша стела по работе чрезвычайно близка к вышеупомянутым; следовательно, и она имеет то же происхождение. Найдена она во дворе А. В. Соколовой в Тамани.

Рис. 7. Плита из городища станции Таманской

№ 7. Надгробная известняковая плита с рельефным изображением и надписью, тщательно вырезанной ровным и красивым почерком. № 299 описи Таманского музея (рис. 7). Верхняя часть плиты с рельефом отбита; сохранились только слева нижняя часть женской фигуры, одетой в длинный хитон, и часть ноги лошади с копытом. Размеры: выс. 28 см, шир. 51 см, толщ. 10 см.

Надпись гласит: Μηνόδ(ο)ρε υ[ι]ε Φιλοξενείδου χαίρει

Менодор, сын Филоксенида, прощай.

На основании написания букв можно отнести этот памятник ко времени между концом I в. до н. э. и началом нашей эры. Стела найдена в городище станции Таманской. В надписи имеются следующие ошибки резчика: во-первых, в слове Μηνόδоре в третьем слоге ошибочно поставлен ο вместо ω, и во вторых, в слове υίε пропущена ι¹.

Н. П. Розанова

¹ Аналогичное написание слова υίε см. в ИАК, вып. 10, стр. 41.